

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

I.

Замѣтки о Лермонтовѣ и о нѣкоторыхъ его современникахъ.

Сообщаю нѣкоторыя изъ извѣстій, могущихъ быть нѣмѣ напечатанными о Лермонтовѣ и о нѣкоторыхъ людяхъ, игравшихъ роль въ его жизни и которыхъ большую часть, также какъ и его самого, я зналъ почти всѣхъ болѣе или менѣе, а со многими былъ и въ дружескихъ отношеніяхъ, принадлежа къ одному съ ними поколѣнію, въ средѣ котораго былъ изъ младшихъ товарищей. Не могу обѣщать ничего систематическаго; но полагаю, что замѣтки мои не вовсе будутъ лишены интереса для читателей.

По семейнымъ преданіямъ, Лермонтовъ родился не въ 1814, а въ 1815 году, какъ утверждаетъ это и Е. А. Хвостова (Хв., 186). Я указалъ домъ, въ которомъ онъ родился („Соврем.“, 1856, № 6, см. стр. 162). Онъ находился въ Москвѣ, на площади, у самыхъ Красныхъ воротъ, къ сторонѣ той части Садовой, которая идетъ къ Сухаревой башнѣ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ принадлежалъ купцу Бурову и сохранялъ еще свой прежній видъ. Теперь на его мѣстѣ возмывается огромное зданіе, не имѣющее никакого сходства съ прежнею постройкою.

О поѣздкѣ Лермонтова, въ его дѣтствѣ, именно въ 1825 году, на Кавказъ, мною также сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія (Ibid.). Онъ ѣздилъ туда съ своей бабуей Елисаветой Алексѣевной Арсеневой, рожд. Столыпиной. При нихъ находились: родственникъ ея Михаилъ Погожинъ, докторъ Ансельмъ Левисъ, учитель Иванъ Кана и гувернантка Христина Ремеръ.

Бабушка и воспитательница Лермонтова Елисавета Алексѣевна была вдова поручика Михаила Васильевича Арсеньева. Единственная дочь ихъ, Марія Михайловна, была за Юріемъ Петровичемъ Лермонтовымъ; они имѣли единственного сына, нашего поэта, который и былъ со мною въ свойствѣ по Арсеньевымъ (Хв., 206). Я указалъ на любезность, доброту и умъ этой всѣми любимой старушки, которую всѣ въ обширномъ кругѣ ея родства и свойства называли „бабушкой“ („Соврем.“, 1856, № 6, см. стр. 163).

Братья Елисаветы Алексѣевны, Столыпины, были: 1) Александръ Алексѣевичъ, адъютантъ Суворова. 2) Аркадій Алексѣевичъ, сенаторъ, женатый на дочери знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова. 3) Дмитрій Алексѣевичъ, генераль-лейтенантъ. 4) Аванасій Алексѣевичъ (род. 1788, ум. 1866 г.), храбрый артиллеристъ, потомъ саратовскій губернский предводитель дворянства, памятный Москвѣ, гдѣ проживалъ очень долго,— своимъ хлѣбосольствомъ, радушіемъ и веселымъ, хотя и солиднымъ умомъ; онъ былъ женатъ на Маріи Александровнѣ Устиновой, здравствующей нынѣ. Лермонтовъ особенно любилъ Аванасія Алексѣевича. 5) Пятаго брата звали, кажется, Григоріемъ Алексѣевичемъ.

Изъ сестеръ Е. А. Арсеньевой одна была за г. Хастатовымъ, а другая за г. Шанъ-Гиреемъ.

Изъ двоюродныхъ братьевъ Лермонтова, Столыпинныхъ, ближайшими сверстниками его и очень имъ любимыми были сыновья Аркадія Алексѣевича: Николай Аркадіевичъ, нынѣшній посланникъ нашъ въ Гагѣ; Алексѣй Аркадіевичъ (нынѣ умершій), бывшій съ нимъ въ юнкерской школѣ и выпущенный офицеромъ въ лейбъ-гусары въ 1835 году, спустя годъ послѣ Лермонтова, и Дмитрій Аркадіевичъ, произведенный, также изъ юнкерской школы, въ офицеры конной гвардіи въ началѣ 1839 года и печатающій теперь корреспонденцію Сперанскаго съ его отцемъ, съ которымъ Сперанскій былъ очень друженъ. Сестры ихъ: здравствующая нынѣ княгиня Марія Аркадіевна Вяземская (по первому мужу г-жа Бель) и покойная—княгиня Вѣра Аркадіевна Голицына и Екатерина Аркадіевна Кочубей.

Особенно друженъ былъ Лермонтовъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Алексѣемъ; они были вмѣстѣ въ школѣ и въ гусарахъ, а также два раза (какъ помнится) на Кавказѣ: въ 1837 году, когда первый былъ переведенъ туда за стихи на смерть Пушкина, послѣдній же ѣздилъ туда охотникомъ изъ гвардіи, а затѣмъ въ 1840—1841 гг., когда первый вторично былъ высланъ туда за дуэль съ

Барантомъ, а послѣдній, вождѣстнѣ той же дугали, по внушенію покойнаго государя, поступилъ изъ отставки (въ которую недавно вышелъ), на службу капитаномъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

Алексѣй Столыпинъ вышелъ въ офицера лейбъ-гусарскаго полка изъ инженерной школы въ 1835 г. Въ 1837 г. ѣздилъ охотникомъ на Кавказъ, гдѣ храбро сражался. Въ концѣ 1839 года, будучи поручикомъ, вышелъ въ отставку. Въ началѣ 1840 г. поступилъ на службу на Кавказъ капитаномъ нижегородскаго драгунскаго полка. Въ 1842 г. вышелъ опять въ отставку. Въ послѣднюю войну онъ, не смотря на немолодые уже лѣта, вступилъ на службу ротмистромъ въ бѣлорусскій гусарскій полкъ и храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ совершеннѣйшій красавецъ; красота его, мужественная и вмѣстѣ съ тѣмъ отличающаяся какою-то нѣжностію, была бы названа у французовъ „proverbiale“. Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ киверомъ нижегородскаго драгуна, и наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполне, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ виѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать „Монгу-Столыпина“ значитъ для людей нашего времени то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззаветной готовности на службу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже не молодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ „Монго“ и никто изъ львовъ не вознавидѣлъ его, не смотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому придти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное. Столыпинъ отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ пистолета и былъ офицеръ отличной храбрости.

Прозвище „Монго“, помнится, дано было Столыпину отъ клички, памятной современникамъ въ Царскомъ Селѣ, собаки, принадлежавшей ему. Собака эта, между прочимъ, прибѣгала постоянно на плацъ, гдѣ происходило гусарское ученье, лаяла, хватала за хвостъ лошадей полковаго командира М. Г. Хомутова и иногда даже способствовала тому, что онъ скорѣе оканчивалъ скучное для молодежи ученье.

Въ 1839—1840 годахъ Лермонтовъ и Столыпинъ, служившіе тогда въ лейбъ-гусарахъ, жили вмѣстѣ въ Царскомъ Селѣ, на углу Большой и Манежной улицъ. Туда болѣе всего собирались гусарскіе офи-

цери, на корпусъ вторыхъ они имѣли большое вліяніе. Товарищество (*esprit de corps*) было сильно развито въ этомъ полку и, помимо прочимъ, давало одно время сильный отпоръ, не помню какимъ-то, притязаніямъ, командовавшаго временно полкомъ, полковника С*. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, не любившій вообще этого „*esprit de corps*“, приписывалъ происшедшее въ гусарскомъ полку подговорамъ товарищей со стороны Лермонтова со Столыпина и говорилъ, что „разорить это гнѣздо“, то-есть, уничтожить сходни въ домѣ, гдѣ они жили. Вліянія ихъ дѣйствительно нельзя было отрицать; очевидно, что молодежь не могла не уважать приговоры, произнесенныхъ совромъ необыкновеннаго ума Лермонтова, котораго побаивались, и высокаго благородства Столыпина, которое было чѣмъ, какъ оракулъ.

Публикѣ долго былъ извѣстенъ одинъ только портретъ Лермонтова, гдѣ онъ изображенъ въ черкескѣ съ пашкой. Я первый заявилъ о несходствѣ и безобразіи этого портрета, о чемъ говорила и г-жа Хвостова. Г. Глазуновъ, такъ старательно издававшій сочиненія Лермонтова въ послѣдніе годы, сталъ заботиться о приисканіи лучшаго и досталъ у князя В. А. Меншикова (служившаго прежде тоже въ лейбъ-гусарахъ), портретъ Лермонтова, впрочемъ, также неудовлетворительный, изображающій его въ гусарскомъ сюртукѣ съ эполетами. Тогда я указалъ г. Глазунову на поколѣнный, въ натуральную величину, портретъ Лермонтова, писанный масляными красками, сохранившійся въ Саратовскомъ имѣніи А. А. Столыпина Неѣловѣ, гдѣ я его и видалъ. Тутъ Лермонтовъ изображенъ въ лейбъ-гусарскомъ вицъ-мундирѣ и накинутаю по-верхъ его шинели, съ трехугольною шляпой въ рукахъ. Г. Глазуновъ приложилъ гравюру его къ иллюстрированному изданію „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“. Это лучший изъ извѣстныхъ мнѣ портретовъ Лермонтова; хотя онъ на немъ и очень польщенъ, но ближе всѣхъ прочихъ передаетъ общее выраженіе его фizioноміи (въ хорошія его минуты), особенно его глаза, взглядъ которыхъ имѣлъ дѣйствительно нѣчто чарующее, „*fascinant*“, какъ говорится по-французски, не смотря на то, что лицо поэта было очень не красиво.

Кажется, составилось какое-то понятіе о томъ, будто Лермонтовъ былъ бѣденъ. Едва-ли это справедливо. Если отцовское имѣніе его было не значительно, за то состояніе его бабушки было довольно велико и она ничего для него не жалѣла, такъ что онъ могъ жить

восьми: прилично даже въ лейбъ-гусарскомъ полку, гдѣ офицеры содерживали тогда много денегъ, и не отставать отъ нихъ.

Лермонтовъ произведенъ былъ въ офицеры въ самомъ концѣ 1834 года. Съ нимъ вмѣстѣ вышли изъ школы въ лейбъ-гусарскій полкъ покойный Александръ Францовичъ Тиранъ старшій другъ мой, князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій и два брата Череповы.

Упоминаемая въ пьесѣ „Монго“ лица были: танцовщица Екатерина Егоровна Пименова; казанскій помѣщикъ — г. Монсеевъ ¹⁾.

Когда Пушкинъ былъ убитъ, я лежалъ въ постели, тяжело больной и едва, едва спасенный недавно отъ смерти заботами Арендта и попечительнымъ уходомъ за мною доброй матушки. Мнѣ не смѣли объявить сейчасъ же и прямо о смерти Пушкина. Я узналъ о ней послѣ разныхъ приготовленій къ такому объявленію. Тогда же получилъ я рукописные стихи на эту кончину, Губера и Лермонтова. Известно, что пьеса послѣдняго произвела вскорѣ громкій скандалъ и автору готовилась печальная участь. Бабушка Лермонтова Елисавета Алексѣевна была въ отчаяніи и съ горя говорила, упрекая себя: „и зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ; вотъ до чего онъ доведъ его“.

Послѣ дуэли Лермонтова съ Барантомъ, нужно было ожидать большой бѣды для перваго, такъ какъ онъ уже во второй разъ попался. Можно вообразить себѣ горе „бабушки“. Понятно также, что родные и друзья старались утѣшать ее, сколько было возможно. Между прочимъ, ее увѣряли, будто участь внука будетъ смягчена, потому что „свыше“ выражено удовольствіе за то, что Лермонтовъ, при объясненіи съ Барантомъ, вступился вообще за честь русскихъ офицеровъ передъ французомъ. Старушка высказала какъ-то эту надежду при племянникѣ своемъ, покойномъ Екимѣ Екимовичѣ Хастатовѣ, служившемъ адъютантомъ при гвардейскомъ дивизионномъ начальникѣ Ушаковѣ. Хастатовъ былъ большой чудакъ и, между прочимъ, имѣлъ

¹⁾ Эта пьеса цѣлкомъ напечатана, вмѣстѣ со многими рассказами о Лермонтовѣ, въ приложеніяхъ къ изданіямъ нами «Запискахъ Е. А. Хвостовой». Спб. 1870. Ред.

иногда обыкновеніе произносить рѣчи, какъ говорятъ по театральному, „въ сторону“; но дѣлала это такими густыми басомъ, что тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ скрыть слова свои, слышали ихъ, вовсе нельзя лучше. Когда „бабушка“ повторила утѣшительное дѣйствіе, онъ обратился къ кому-то изъ присутствовавшихъ и сказалъ ему, по своему „въ сторону“: „какъ же! Напротивъ того, говорятъ, что укутуть голубчика“. Старушка услышала это и пришла въ отчаяніе.

Послѣднее съ Барантомъ грозилъ Лермонтову тѣмъ болѣе серьезными послѣдствіями, что покойный государь долго не соглашался перевести его обратно въ гвардію, въ 1838 году. Императоръ разрѣшилъ этотъ переводъ единственно по неотступной просьбѣ любимца своего, шефа жандармовъ графа А. К. Бенкендорфа. Графъ представилъ государю отчаяніе старушки „бабушки“, просилъ о снисхожденіи въ Лермонтову, какъ о личной для себя милости, и обѣщалъ, что Лермонтовъ не подастъ болѣе новодовъ къ взысканіямъ съ него, и наконецъ, получилъ желаемое. Это было, если не ошибаюсь, передъ праздникомъ Рождества 1837 года. Графъ сейчасъ отправился къ „бабушкѣ“. Передъ ней стоялъ портретъ любимата внука. Графъ, обращаясь къ нему, сказалъ, не предупреждая ее ни о чемъ: „лу, поздравляю тебя съ царскою милостію“. Старушка сейчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и отъ радости заплакала. Лермонтова перевели тогда въ лейбъ-гвардію гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій на поселеніяхъ, близъ Опасской Полѣсти, въ Новгородской губерніи. Таково было тогда обыкновеніе: выписанные въ армію переводились въ гвардейскіе полки, расположенные внѣ Петербурга: такъ Хвостовъ, Лермонтовъ (бывшіе лейбъ-гусары), Тизенгаузенъ (бывшій кавалергардъ) переведены были въ гродненскіе гусары; Трубецкой, Новосильцовъ (бывшіе кавалергарды)—въ кирасиры его величества, квартировавшіе въ Царскомъ Селѣ. Впрочемъ, уже на Святой недѣлѣ 1838 года, Лермонтовъ опять поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, гдѣ и служилъ до второй ссылки въ 1840 году.

Семудядѣ Лермонтова на роковой его дудѣ, въ 1841 году, князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ—одинъ изъ сыновей славнаго, глубоко всѣми чтимаго вельможи, князя Иллариона Васильевича (1776—1847), умершаго въ высокомъ званіи предсѣдателя государственнаго совѣта (1838—1847). Молодой Васильчиковъ вышелъ въ 1839 году кандидатомъ изъ петербургскаго университета и находился на Кавказѣ при ревизовавшемъ край сенаторѣ Ганѣ, къ которому были прикомандированы нѣкоторые молодые люди, принадлежавшіе

въ высшему кругу, какъ наприѣръ, князь Борисъ Дмитриевичъ Голицынъ, покойный князь Сергій Васильевичъ Долгорукий, князь А. И. Васильчиковъ — авторъ недавно вышедшаго въ свѣтъ замѣчательнаго труда „О самоуправленіи“.

Секундантъ противника Лермонтова, Михаилъ Павловичъ Глѣбовъ, рослый, красивый, до конца молодавый, какъ отрокъ „Мишка Глѣбовъ“, какъ мы его называли. Онъ выпалъ изъ юнкерской школы въ офицеры конной гвардіи въ началѣ 1839 года, вмѣстѣ съ Дмитриемъ Столыпинымъ, и въ 1841 году воѣхалъ, въ числѣ гвардейскихъ охотниковъ, на Кавказъ, гдѣ вскорѣ получилъ въ экзекцию жестокою рану въ руку, почему долго долженъ былъ носить распоротый рукавъ, связывавшійся на нѣвѣ черными ленточками. Такимъ образомъ, привелось ему быть свидѣтелемъ на несчастной дуали, въ слѣдствіе которой его потомъ довольно долго обходили чиномъ, и онъ все оставался корнетомъ. Въ концѣ 1842 года, онъ поступилъ въ должность адъютанта при генералѣ Нейдгардтѣ, командовавшемъ войсками на Кавказѣ, гдѣ Глѣбовъ и прослужилъ до самой смерти. Помнится, въ 1843 году, былъ онъ захваченъ хищниками-черкесами на большой дорогѣ, не далеко отъ самаго Ставрополя, и долго томился въ плѣну, претерпѣвая жестокаго лишения и страданія. Наконецъ, его „украли“ изъ плѣна, конечно, за значительный выкупъ, нѣвѣстный горскій наѣздникъ Атарщиновъ. Для Глѣбова, отличавшагося отличною храбростію, открылась тогда же блестящая карьера. Новый наѣздникъ князь М. С. Воронцовъ оставилъ его въ 1845 году адъютантомъ при себѣ. Онъ вышелъ невредимъ изъ адской экзекциіи 1845 года въ Дарго, во время которой изъ адъютантовъ князя Воронцова, въ Ичкеринскомъ гѣсу, братъ мой Александръ былъ убитъ (14-го іюля), а Владиміръ Николаевичъ Печавъ и князь Сергій Илларионовичъ Васильчиковъ — равены. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, въ концѣ 1846 года, Глѣбовъ былъ, едва двадцати-семи лѣтъ отъ роду, полковникомъ конной гвардіи и весь увѣшанъ крестами. Помню, что съ нимъ же пріѣхалъ другой адъютантъ князя Воронцова, молодой полковникъ лейбъ-гусарскаго полка и тоже отличный офицеръ, Михаилъ Дмитриевичъ Масловъ. Тогда только что даны были войску каски, вмѣсто киверовъ и офицерскихъ трех-угольных шляпъ. Но кавказская армія носила фуражки, въ которыхъ явились въ Петербургъ Глѣбовъ и Масловъ, при своихъ гвардейскихъ адъютантскихъ мундирахъ. Это произвело большую „сенсацію“ въ салонахъ и на улицахъ, гдѣ военный въ фуражкѣ былъ тогда чудомъ для всѣхъ.

Начальство гвардейскаго корпуса заявило, что: пріѣзжіе, числясь въ гвардіи, должны слѣдовать формѣ гвардейской, а не кавказской; князь Воронцовъ выразилъ противное мнѣніе и, наконецъ, побѣда осталась за фуражками, къ великому соблазну служащихъ-формалистовъ. Въ началѣ 1847 года, Глѣбовъ уѣхалъ на Кавказъ; мы простилцель, наказуя его отъѣзда, при очень веселой обстановкѣ и не думали, что уже не увидимся. Лѣтомъ, того же 1847 года, Глѣбовъ командовалъ отрядомъ въ экспедиціи подъ Салтами; 28-го іюня, во время пустой перестрѣлки въ цѣни, шальная пуля ударила ему прямо въ лобъ и храбрый молодой человекъ былъ убитъ на повалъ.

Въ началѣ 1841 года Лермонтовъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Я не зналъ еще о его недавнемъ пріѣздѣ. Однажды, часу во второмъ, зашелъ я въ извѣстный ресторанъ Лепрана, въ Вольной Морской. Я вошелъ въ биллиардную и сѣлъ на скамейку. На биллиардѣ игралъ съ маркеромъ небольшого роста офицеръ, котораго я не рассмотрѣлъ по своей близорукости. Офицеръ этотъ изъ дальняго угла закричалъ мнѣ: „здравствуй, Лонгиновъ!“ и направился ко мнѣ; тутъ узналъ я Лермонтова въ армейскихъ эполетахъ съ цвѣтными на нихъ полевъ. Онъ разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ своего пріѣзда, разрѣшеннаго ему для свиданія съ „бабушкой“. Онъ былъ тогда на той высшей степени опогее своей извѣстности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургскій „beau-monde“ встрѣтилъ его съ увлеченіемъ; онъ сейчасъ вошелъ въ моду и сталъ являться по приглашеніямъ на балы, гдѣ бывалъ дворъ. Но все это было не продолжительно. Въ одно утро, послѣ бала, кажется, у графа С. С. Уварова, на которомъ былъ Лермонтовъ, его позвали къ тогдашнему де-журному генералу графу Клейнмихелю, который объявилъ ему, что онъ уволенъ въ отпускъ лишь для свиданія съ „бабушкой“, а что въ его положеніи неприлично разъѣзжать по праздникамъ, особенно когда на нихъ бываетъ дворъ, и что, поэтому, онъ долженъ воздержаться отъ посѣщенія такихъ собраний. Лермонтовъ, тщеславный и любившій свѣтленіе успѣхи, былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и оскорбленъ, въ совершенную противоположность тому, что выражено въ написанномъ имъ около этого времени стихотвореніи: „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“ (Соч. Лерм., 1863, т. II, стр. 183).

Лермонтовъ былъ очень плохой служака, въ смыслѣ фронтовика и исполнителя всѣхъ мелочныхъ подробностей въ обмундированіи и ис-

полненіи обязанностей тогдашняго гвардейскаго офицера. Онъ частенько сиживалъ въ Царскомъ Селѣ на гауптвахтѣ, гдѣ я его иногда навѣщалъ. Между прочимъ помню, какъ однажды онъ жестоко приставалъ къ арестованному вмѣстѣ съ нимъ лейбъ-гусару, покойному Владиміру Дмитриевичу Вазаеву († 1871 г.). Весною 1839 г. Лермонтовъ явился въ разводъ съ маленькою, чуть-чуть не игрушечною дѣтскою саблею при боку, не смотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же арестовалъ его за это, велѣлъ снять съ него эту саблю и далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ. Въ августъ того же года, великій князь, за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вице-мундира, послалъ его подъ арестъ прямо съ бала, который давали въ ротондѣ царскосельской китайской деревни царскосельскія дамы офицерамъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ полковъ (лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго), въ отплату за праздники, которые эти кавалеры устраивали въ ихъ честь. Такая нерадивость причитывалась къ болѣе крупнымъ проступкамъ Лермонтова и не располагала начальство къ снисходительности въ отношеніи къ нему, когда онъ въ чемъ-либо попадался.

Впрочемъ, ближайшіе начальники Лермонтова въ лейбъ-гусарскомъ полку были не только отличные служаки, въ лучшемъ смыслѣ слова, но и благороднѣйшіе люди, умѣвшіе и вести прекрасно свое дѣло, и цѣнить въ подчиненныхъ качества ума и души, независимо отъ служебныхъ достоинствъ. Это были старые гусары: Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, а потомъ—Николай Федоровичъ Плаутинъ. Они умерли, занимая важныя мѣста: первый — навазнаго атамана войска донскаго, а второй — командира гвардейскаго корпуса.

Г-жа Верзилина, въ Пятигорскомъ домѣ которой произошла послѣдняя ссора Лермонтова, была супруга храбраго стараго кавказца, радушно принимавшая служившихъ на Кавказѣ и пріѣзжавшихъ туда. У ней были дочери очень милостивныя и любезныя, по отъѣзду всѣхъ, кто былъ знакомъ съ ними. Кажется, Лермонтовъ имѣлъ отчасти въ виду это семейство, когда говорилъ комплиментъ кавказскимъ дамамъ отъ лица Печорина (Соч. Лерм., 1863, т. II, стр. 313).

Говорили, будто рисуя нѣкоторыя черты характера Грушницкаго (въ „Княжѣ Мери“), Лермонтовъ имѣлъ въ виду живое лицо, долго служившее на Кавказѣ, именно Н. П. К., недавно умершаго.

Также говорили, что докторъ Верверъ (въ той же „Нижней Мери“) имѣеть сходство съ дѣйствительно существовавшимъ лицомъ, именно съ докторомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ Конради, весьма умнымъ и благороднымъ человекомъ. Кстати, приведу здѣсь одинъ анекдотъ. Въ лейбъ-гусарахъ служилъ, бывавшій прежде на Кавказѣ и знавшій тамъ Конради, графъ О. Д. А. Это былъ добрыйшій малый, славный товарищъ и великій нутила, очень шумливый подъ веселую руку. Въ 1837 году, въ Царскомъ Селѣ онъ, вмѣстѣ съ кирасирскими офицерами С. и В., послѣ веселаго ужина, выбили въ какомъ-то домѣ стекла въ окнахъ. Ихъ выписали въ гарнизонъ. Графъ А. переведенъ былъ въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ. Когда онъ прѣѣхалъ въ Питигорскъ, то Конради, при встрѣчѣ съ нимъ, воскликнулъ: „какъ попалъ ты сюда?“ А. сталъ обвинять его, восклицая: „О, Конради!“ (окоя ради).

Слѣдно было, будто при послѣднемъ поединкѣ Лермонтова присутствовали не одни секунданты, а были еще нѣкоторыя лица, стоявшія въ отдаленіи; но это было скрыто при слѣдствіи, безъ чего эти свидѣтели подвергнулись бы отвѣтственности. Заношу этотъ слухъ въ мои замѣтки, не отвѣчая нисколько за его достовѣрность.

Вообще въ тѣ времена было въ ходу военное или свѣтское удалство. Многіе молодые люди переходили служить на Кавказъ. Гвардейцы хлопотали, чтобы попасть въ число охотниковъ, которые ежегодно отправлялись (по одному отъ каждаго полка) на Кавказъ и отличались тамъ превосходною храбростію, а нѣкоторые и такою отвагою, которая удивляла даже заваленныхъ въ бою старыхъ кавказскихъ воиновъ. Поединки тоже казались чѣмъ-то заманчивымъ. Я помню, что Монго-Столянинъ, къ которому, изъ уваженія къ его тонкому пониманію чувства чести, нерѣдко обращались, чтобы онъ разсудилъ какой-либо пекотливый вопросъ, возникшій между молодыми противниками, — показывалъ мнѣ привезенную имъ изъ-за границы книгу: „Manuel du duelliste“ или что-то въ этомъ родѣ. Въ ней описаны были всѣ правила, безъ соблюденія которыхъ поединковъ не могъ быть признанъ состоявшимся „по строгимъ правиламъ искусства“. Между прочимъ, черезъ годъ послѣ дуэли Лермонтова, именно въ юнѣ 1842 года, произошла другая дуэль въ лейбъ-гусарскомъ полку. Князь Владиміръ Владиміровичъ Яшвилъ имѣлъ несчастье убить князя Александра Николаевича Долгорукаго, сына харьковскаго

генераль-губернатора князя Николая Андреевича. Надѣли на дѣѣ до этого, я видѣлъ ихъ вмѣстѣ пріятелами и они звали меня къ себѣ „въ лагерь“, куда выступалъ полкъ. Но я уѣзжалъ изъ Петербурга, и сказалъ, что не могу быть. Весерѣ, будучи въ Рязанской губерніи, я получилъ письмо съ печальнымъ извѣстіемъ о злополучномъ поединкѣ, послѣдовавшемъ, увы! изъ совершеннѣйшия пустяковъ. Старшій братъ этого, называго на поединкѣ Долгорукаго, князь Николай былъ корнетомъ конной-гвардіи и двадцати лѣтъ отъ роду погибъ въ экспедиціи 1837 года на Кавказѣ, гдѣ былъ тогда и Лермонтовъ.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ къ стихотвореніямъ Лермонтова по изданію 1868 года.

ТОМЪ I.

Стр. 25. „Бъ“ и стр. 78 „Додо“. Покойной Евдокии Петровнѣ Сушковой (впослѣдствіи графинѣ Ростовичиной).

Стр. 26. „Бъ Гр..нову“. Умершему Юсифу Петровичу Грузинову автору нелѣпнѣйшиякъ стихотвореній, изданныхъ въ Москвѣ въ 1820 году, подъ заглавіемъ „Цѣрица“.

Стр. 76. „Б...ной“. Вѣрѣ Николаевнѣ Бухариной (впослѣдствіи Анненковой).

Стр. 76. „Т....ому“. Трубецкому.

Стр. 77. „Н...ной“. Нарышкиной.

Стр. 77. „Т...ой“. Толстой.

Стр. 77. „М...вой“. Мартыновой.

Стр. 78. „Б...ву“. Покойному Александру Александровичу Бавинлову, известному Московскому весельчаку.

Стр. 79. „Б...чу“. Покойному Константину Александровичу Булгакову. (О немъ см. „Русск. Арх.“, 1869, стр. 349).

Стр. 188. „Б—въ“ значитъ: Библию.

Стр. 191. „Лафа“, школьное прозвище Поливанова.

Стр. 193. „Маешка“. Это прозвище, приданное Лермонтовымъ самому себѣ, есть передѣлка на русскій ладъ имени фантастическаго урода „Monsieur Maueux“, похождения котораго изображены въ цѣлхъ серіяхъ каррикатуръ, появившихся послѣ 1830 года въ парижскихъ каррикатурныхъ листахъ, особенно въ „Charivari“. Лермонтовъ самъ носился тутъ надъ своею некрасивою наружностію.

Стр. 201. „Адеха“. Алексѣй Николаевичъ Ступишевъ.

Стр. 202. „Н. И. Б—ву“. Покойному Николаю Ивановичу Бухарову, лейбъ-гусарскому полковнику.

Стр. 211. „М. И. Ц.“. Михаилъ Ивановичъ Цейдлеръ, офицеръ

лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, товарищъ Лермонтова по школь, ѣхавшій въ экспедицію на Кавказъ въ 1838 году.

Стр. 215. „Къ графинѣ М. П.“. Покойной графинѣ Эмилии Карловиѣ Мусиной-Пушкиной, рожденной баронессѣ Шернваль.

ТОМЪ II.

Стр. 158. „Графиня В—а Д—ва“. Графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, рожденная Нарышкина (род. 1818, ум. 1856). Портретъ ея былъ въ 1840 году литографированъ въ Парижѣ известнымъ Граведономъ. Къ нему-то и написаны эти стихи. У меня виситъ въ рамкѣ одинъ изъ рѣдкихъ уже теперь экземпляровъ этой литографіи, полученный изъ рукъ самого оригинала, любезнѣйшей изъ свѣтскихъ женщинъ того времени.

Стр. 192. „Слѣпецъ, страдающій вдохновенный“. Пьеса эта написана къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой, старой, но любезной дѣвицѣ, сестрѣ бывшаго командира Лермонтова. Слѣпецъ — известный поэтъ Ив. Ив. Бозловъ, не вадолго до того умершій. Онъ написалъ къ А. Г. Хомутовой посланіе: „Другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки“. (Соч. Казл., изд. Смирд., стр. 256).

Основаніемъ разсказа „Бѣла“ было истинное происшествіе, конечно опосредствованное и дополненное вымышленными подробностями, случившееся съ родственникомъ поэта Е. Е. Хастатовымъ, о которомъ говорено выше. Онъ имѣлъ помѣстье на Кавказѣ („Шелвовое“, „Земной рай“ тоже), и подолгу жила въ тамъ. Тамъ какъ имѣніе это расположено уже на самомъ рубежѣ, за которымъ жили враждебныя намъ горскія племена, то Хастатова называли въ нашемъ кругу „передовой помѣщикъ российской имперіи“.

Приведу теперь нѣсколько замѣтокъ на вышедшую недавно книгу „Записки Е. А. Хвостовой“.

Стр. 140. Яковлевъ, пѣвшій романсы, — Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, товарищъ Пушкина, по первому выпуску изъ лицея, нынѣ сенаторъ. Онъ написалъ прекрасную музыку на многие романсы.

На стр. 186. Афоризмъ Лермонтова надо читать такъ: „La vie est une épigramme dont la mort fait la pointe“.

Стр. 228. Веденштейнъ называется Лермонтова бѣлокуримъ; это не вѣрно.

Стр. 288. М. А. Я—въ, въ разсказѣ Панаева, обозначаетъ Михаила Александровича Языкова.

Едва-ли гдѣ было что-либо подобное быстротѣ, съ которою Лермонтовъ достигъ известности и славы. Въ печати явились только: „Хаджи-Абрекъ“ (1835), „Пьеса про купца Калашникова“ и „Во-

родино" (1837), да еще „Кавначейша" (1836), впрочемъ послѣдняя даже безъ имени автора, къ чему можно присовокупить стихи на смерть Пушкина (1837), хотя рукописные, но довольно распространенные,—какъ стоило только появиться въ первой книжкѣ возобновленныхъ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года знаменитой „Думѣ", и имя Лермонтова сдѣлалось какъ-бы стариннымъ и дорогимъ достояніемъ русской литературы. Вслѣдъ за тѣмъ, сталъ выходить, одно за другимъ, рядъ превосходѣйшихъ стихотвореній, составившій въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ какъ бы драгоценное поэтическое ожерелье изъ чистѣйшихъ брилліантовъ поэмы. Тогда же вышелъ въ свѣтъ этотъ изумительный „Герой нашего времени", и доселѣ составляющій отчаяніе русскихъ повѣствователей, не создавшихъ въ тридцать лѣтъ ничего подобнаго. Надо было жить тогда, чтобы понимать теперь то чувство восхищенія и изумленія, которое испытывали мы, переходя отъ одного очарованія къ другому, по мѣрѣ появленія стихотвореній Лермонтова.

Стихи Лермонтова при жизни его печатались почти исключительно въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ первые годы (1839—1842) изданія этого журнала въ немъ только помѣщались (да еще въ Плетневскомъ „Современникѣ") еще изрѣдка произведенія лучшихъ писателей прежняго времени и авторовъ, составившихъ такъ сказать „high-life" русской литературы: Жуковского, князя Вяземскаго, Баратынскаго, князя Одоевскаго и пр.

О послѣдней дуэли Лермонтова съ здравствующимъ Н. С. Мартыновымъ, школьнымъ его товарищемъ, котораго и также имѣю честь хорошо знать и котораго благородный характеръ и доброжелательство къ людямъ извѣстны всѣмъ многочисленнымъ его знакомымъ, я теперь не скажу ни слова. „Non hic erat locus".

М. Н. Лонгиновъ.

II.

Какъ писать фамилію Лермонтова?

Родъ Лермантовныхъ происходитъ отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лерма, который, послѣ воздвигнутаго имъ гоненія на мавровъ, самъ былъ изгнанъ изъ Испаніи и поселился въ землѣ шоттовъ и пивтовъ (въ Англіи), гдѣ жилъ въ бѣдности и утратилъ герцогское достоинство; а въ первую половину XVII вѣка, потомокъ его вызванъ былъ въ Россію, куда и прибылъ, въ 1683 году, мастеромъ пушкарнаго дѣла подъ именемъ генерала Юрія Матвѣевича или Андреевича Лерма. Потомки Юрія и Матвѣя жалованы вотчинами: Юрій — въ Киевской, а Матвѣй — въ Костромской губерціи.

Объ этомъ у меня были двѣ почти одного содержания записки. Одна найдена мною въ части фамильныхъ нашихъ бумагъ, очень страннаго почерка, съ разрисованнымъ гербомъ, точно такимъ же, какъ и на листѣ изъ герольдіи; а другую такую же записку, тоже стараго письма, я получилъ отъ воронежскаго архіепископа Антонія, когда, поселясь на жительство въ Воронежской губерніи, я въ 1840 году пріѣхалъ познакомиться съ пресвященнымъ Антоніемъ, который, въ бытность свою въ Кіевѣ, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ кіевскими Лермантовыми. Къ сожалѣнію, обѣ записки, въ числѣ многихъ другихъ, сгорѣли во время пожара, бывшаго въ домѣ моемъ, въ 1842 году.

Но иногда въ фамиліи Лермантовыхъ, буквы *о* слышно не было и не могло быть, но строю фамиліи Лермантъ или Лерма; и поэтъ Лермонтовъ, букву *о* вмѣсто *а* могъ употреблять только по незнакомству фамильной генеалогіи, такъ какъ онъ росъ и воспитывался въ семействѣ генерала Арсеньева, женатаго на Столыпиной, бабушкѣ поэта, дочь которой была за Лермантовымъ, отцомъ поэта. Какъ доказательство малаго знакомства поэта Лермантова съ генеалогію нашею, могу привести то, что за гербовою печатью онъ присылалъ во мнѣ въ 1834 году, когда я служилъ въ образцовой батареѣ, чтобы вырѣзать ее для себя.

Гербъ рода Лермантовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное стропило съ тремя на немъ золотыми четверугольниками, а подъ стропиломъ черный крестъ; щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною. Наметь на щитѣ золотой, подложенный краснымъ; внизу щита девизъ: „sors mea Jesus“.

Предокъ фамиліи Лермантовыхъ, Юрій Андреевичъ Лермантъ выѣхалъ изъ шотекія земли въ Польшу, а оттуда, въ ⁷¹⁴¹1633 году, въ Москву. Потомки сего Юрія Андреевича Лермантовы, многіе российскому престолу служили стольниками, воеводами и въ иныхъ чинахъ, и жалованы были отъ государей помѣстьями. Все сіе доказывается справою разряднаго архива и родословною Лермантовыхъ.

Ив. Ник. Лермантовъ,

Задонскій помѣщ., почет. мир. судья.

III.

Неизданныя стихотворенія Лермонтова, въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г. (т. V, стр. 84; 186—293) помѣщены нѣсколько молодыхъ произведеній Лермонтова, не бывшихъ до сихъ поръ въ печати, а также высказана была просьба „Редакціи Русской Старины“ о сообщеніи ей пропущенныхъ мѣстъ изъ поэмы Лермонтова „Казначейша“, у кого онѣ найдутся. По поводу вообще не изданныхъ стихотвореній Лермонтова, мнѣ вспомнилось изданіе, 20 лѣтъ тому назадъ, его сочиненій въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта, и рецензія на переводъ, помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1852 г., въ декабрьской книжкѣ. Рецензентъ очень хвалитъ переводъ за его вѣрность подлиннику и красоту стиха и сообщаетъ, между прочимъ, три небольшихъ стихотворныхъ отрывка въ переводѣ Боденштедта, но неизвѣстныхъ по-русски. Въ настоящее время и имѣю подъ рукою это изданіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Michael Lermontoff's poetischer Nachlass, zum Ersten mal in den Vergessen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt und mit einem biographisch-kritischen Schlussworte versehen von Friedrich Bodenstedt, 1—2 Bde. Berlin, 1852. Здѣсь находятся переведенными изъ произведеній Лермонтова поэмы: „Демонъ“, „Сказка для дѣтей“, „Казначейша“, „Мцыри“, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“, „Измаилъ Бей“ и „Хаджи-Абрекъ“ и лучшія лирическія пьесы; въ числѣ послѣднихъ оказываются неизвѣстныя до сихъ поръ по-русски 19 мелкихъ стихотвореній: 6 соединенныхъ по единству содержанія подъ общимъ заглавіемъ: „Kleine Betrachtungen“, 12 также подъ общей рубрикой: „Kleine Einfälle und Ausfälle“, и одна подъ названіемъ: „Hinaus“. Въ концѣ втораго тома помѣщена статья Боденштедта, посвященная оцѣнкѣ поэзіи Лермонтова и характера его личности, по собственнымъ воспоминаніямъ автора. Извлеченія изъ этихъ воспоминаній и критической оцѣнки, любопытныхъ и довольно вѣрныхъ, помѣщены Дудышкинымъ въ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, при второмъ томѣ изданныхъ имъ его сочиненій. Боденштедтъ познакомился лично съ Лермонтовымъ въ послѣдній годъ его жизни (зимой 1840—1841 гг.), и пользовался, какъ видно, нѣкоторыми его сочиненіями въ рукописи для своихъ переводовъ, кромѣ печатныхъ стихотвореній. Переводы Боденштедта, дѣйствительно, очень вѣрны содержанію и характеру подлинника; нѣкоторыя пьесы (напр.: „Дума“, „И скучно, и грустно“, „Родина“ и пр.) даже поразительно близки оригиналу, такъ что нисколько ему не уступаютъ.

Изъ поэмъ, очевидно, переведены съ рукописи: „Демонъ“, который въ 1852 году не былъ еще вполне изданъ по-русски, и „Казначейша“, въ которой у Боденштедта нѣтъ тѣхъ цензурныхъ пропусковъ во многихъ строфахъ, какъ въ русскомъ изданіи. Напротивъ, въ „Измаиль-Бей“ у него находятся всѣ тѣ пропуски, которые были въ прежнихъ изданіяхъ этой поэмы и которыхъ нѣтъ только въ послѣднемъ изданіи Лермонтова—Дудышкинскомъ.

Упомянутыя 19 неизвѣстныхъ по-русски пьесъ Лермонтова отличаются тою характерностью, по своей формѣ и интересу содержанія, и тою энергіей выраженія мысли, которая свойственна поэзіи этого писателя. Онѣ относятся, очевидно, къ послѣднимъ годамъ жизни Лермонтова и, мнѣ кажется, заслуживаютъ помѣщенія на страницахъ „Русской Старины“, хотя бы и въ переводѣ, пока найдется возможность отыскать ихъ и напечатать въ подлинникѣ. Къ тому же, близость и точность переводовъ Боденштедта вообще должна ручаться за вѣрность передачи и этихъ пьесъ, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Вотъ эти пьесы:

Размышленія.

(Переводъ).

1.

Нѣтъ, я не измѣнилъ своей странѣ, и не достоинъ я моихъ отцовъ, и это потому, что я не похожу на васъ ни въ чемъ, и не ползаю, какъ вы, съ чужими костылями!

2.

Потому, что выли дѣла заставляютъ меня часто краснѣть отъ стыда, что я не слышу музыки въ звяканьи цѣпей и что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ: вы утверждаете, что я не патриотъ!

3.

Потому, что я совсѣмъ не стараго покрою и заката, и не иду съ вѣдшимъ шагомъ назадъ: вы утверждаете, что я не патриотъ, не люблю свою страну и не понимаю ее!

4.

Они правы, самъ чортъ того не пойметъ: тѣ быстрее идутъ у насъ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ уже своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только двинулся впередъ!

5.

Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги; но когда мнѣ захотѣлось пойти на своихъ ногахъ и задумалъ я взглянуть своими глазами, я долженъ былъ заплатить за это тюрьмою, какъ за преступленіе.

6.

Богъ далъ мнѣ языкъ; но когда я вздумалъ заговорить, закатило у меня горло! Странная вещь происходитъ въ моей странѣ, и удивительный обычай

завелся у насъ; разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ—для молчанія!

Случайныя пьесы и зачатки.

1.

Они меня терзали за то, что я осмѣлился размышлять; они меня избивали камнями за то, что я высказалъ мою мысль. Когда я пѣлъ о томъ въ пѣсняхъ, полныхъ правды и полныхъ огня, они не могли ничего отвѣтить, — отсюда-то вся ихъ ярость!

2.

Вы, которыхъ я попираю ногами, потому что узналъ въ васъ ослы, которые просили у меня извиненія, потому что я назвалъ васъ ослиами: вы, которые все искусство свое употребляли на то, чтобы трусливо мнѣ понравиться, когда я еще былъ наряднымъ кавалеромъ и въ большомъ почетѣ: какалъ съ нами теперь перемѣна! какъ вы гордо выступаете въ блескѣ своихъ орденовъ, какъ-будто меня ужъ и не знаете!

3.

Какъ измѣнилось время: вы, которые такъ низко кланялись, теперь вы нестро обвѣшаны лентами, украши звѣздами и орденами. Проходите же прочь, не глядя, мимо меня; не раздражайте моихъ нервовъ, и избавьте меня отъ противнаго труда—выбросить васъ за двери.

4.

Не завидую я ни вашимъ орденамъ, ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались, черезъ подкалъничество и низкопоклонство. Наслаждайтесь счастьемъ своего рабства, таковъ ужъ порядокъ вещей: то, что одинъ носитъ въ своей груди, другой носитъ на груди.

5.

Пусть меня обвиняютъ, пусть меня предадутъ суду: я не стану себя оправдывать; одно только могу я сказать вамъ: я никогда не связывалъ себя съ низкими людьми, никогда я не былъ пошлымъ.

6.

Вы не хотѣли понимать меня. вы все у меня отняли; не отняли только гордости моей и силъ! Покоянія приходятъ и уходятъ, поволавія уходятъ и приходятъ, и смѣна эта — благо. Пройдете и вы, и другіе заступать наше мѣсто, съ повою болѣе чистой кровью (въ жилахъ); и они поймутъ меня, если услышатъ мое слово, и познаніе это — благо.

7.

Мои глаза были также ясны, какъ твои, что улыбаются мнѣ такъ блаженно; мое сердце было также горячо, какъ твое, но его охолодили. Ничего изъ того блага у меня не осталось, я долженъ былъ все то оставить: небо учило меня любить, но люди научили меня ненавидѣть.

8.

Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни изъ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего коннаго права я боролся за все истинное и доброе, какъ казалось это

пустымъ и вздорнымъ: вы разбили мою лиру, лишивши меня моей свободы, долгими тюремными муками убили мою возлюбленную голову. Тогда-то, по долгому размышленію, которому уже не препятствовала никакая сила, съ безграничнымъ презрѣніемъ обратилась къ вамъ моя ненависть. Вы показали себя отличными полководцами во всѣхъ видахъ, но внушить мнѣ тѣмъ къ себѣ уваженіе — этого вы не достигли.

9.

Одно милостивое слово, одно слово раскаянья, открыло бы мнѣ снова путь къ старой благосклонности; но скорѣе я пропаду здѣсь, въ тюрьмѣ и цѣпяхъ, чѣмъ сважу хоть одно слово, чтобъ ложью спасти себя.

10.

Безъ вины настрадался я уже довольно, и хотѣлъ бы быть теперь свободнымъ; но лучше пусть буду я еще больше терпѣть, чѣмъ, по своей винѣ, поравняться съ вами, господа, во лжи и обманѣ.

11.

Не жалѣйте о моей судьбѣ, не жалѣйте о томъ, что святони и ханжи отогнали меня отъ себя! Вы сами живете въ тюрьмѣ, какъ и я; только я живу въ маленькой, а вы — въ большой.

12.

Не жалѣйте о моихъ страданіяхъ въ этихъ тюремныхъ стѣнахъ, я представляю вамъ ваши радости; и дарю вамъ ваше состраданіе.

На волю.

Дико реветъ громъ, шумно бьетъ дождь; въ испугѣ бѣгутъ люди съ полей и дорогъ, они ищутъ защиты подъ крышею дома: я хотѣлъ бы на волю, прочь изъ-за затворовъ дома!

Я хотѣлъ бы на волю, — и лучше погибнуть мнѣ въ бурѣ и молніи, въ грозѣ и ужасѣ, чѣмъ долѣе сидѣть здѣсь за затворами дома, я хотѣлъ бы на волю!

Что касается неизданныхъ по-русски стиховъ изъ поэмы Лермонтова „Казначейша“ (Die Rentmeisterin—у Боденштедта), то они состоятъ изъ отрывочныхъ мѣстъ, по одному или по нѣсколькимъ стихамъ въ отдѣльныхъ строфахъ поэмы, и тѣсно связаны по содержанию съ этими строфами. Приводить ихъ здѣсь, по этому, отдѣльно не имѣетъ значенія. Также малъ отрывокъ, напечатанный въ русскомъ изданіи, въ пьесѣ „Вечерокъ“. Поэма „Сказка для дѣтей“ у Боденштедта имѣетъ заключительную строфу, слѣдующую, какъ говорить онъ, послѣ 10 недостающихъ строфъ этой пьесы, которыхъ не найдено въ рукописяхъ Лермонтова.

Вотъ эта строфа:

Soweit der Teufel, und der Dichter spricht:
Es war nicht meine Wahl, hier schon zu enden,

Man wahr't vor gröss'er Länge mein Gedicht
 Von oben her mit väterlichen Händen.
 Nur unger'n thu' ich auf den Schluss Verzicht,
 Wo man mir Alles blindlings auf Einmal streicht,
 Und mit dem Rest auch leider die Moral streicht:
 Denn die Censur beschränkt stets mein Talent;
 Wenn sich's entwickeln will, auf ein Fragment.
 Und im Gehorsam bin ich exemplarisch:
 Drum bleibt auch dieses Märchen fragmentarisch.

(Умолкнулъ демонъ — поэтъ же говорить: не моя была воля на этомъ здѣсь окончить, отъ излишней длинноты моя поэма охранена свыше отческими руками. Только очень неохотно отказываюсь я отъ заключенія, гдѣ все разомъ безъ разбора вычеркнуто, и вмѣстѣ со всѣмъ вычеркнута и мораль: такъ цензура постоянно обращаетъ мой талантъ, чуть только хочу я развернуться, въ отрывокъ. Я же хочу быть образцомъ повиновенія: вотъ почему и эта сказка остается отрывкомъ).

Привожу изъ Боденштедта, въ заключеніе замѣтки, тѣ отрывки и строфы, русскій переводъ которыхъ помѣщенъ выше:

Kleine Betrachtungen.

1.

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
 Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
 Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche,
 Und nicht wie ihr auf fremden Krücken schleiche!

2.

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
 Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten
 Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
 Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

3.

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin,
 Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
 Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
 Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

4.

Sie haben recht, — der Teufel mag's verstehen —
 Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen,
 Weil schneller sie zu ihrem Ziele kommen
 Als ich, der vorwärts seinen Weg gekommen.

5.

Gott segnete mit Augen mich und Füßen —
 Doch als ich auf den Füßen gehen wollte.

Und als ich mit den Augen sehen wollte;
Musst' ich's im Kerker als Verbrechen büßen

6.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding im meinen Land,
Und wundersamer Brauch im Schwungehies;
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand,
Zum Schweigen seine Zunge hier.

Kleine Einfälle und Ausfälle.

1.

Sie haben mich gepeinigt,
Weil ich zu denken wagte,
Sie haben mich gesteinigt,
Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Glut
Sie könnten Nichts erwidern,
Daher die ganze Wuth!

2.

Die ich mit Füßen getreten,
Weil ich sie als Esel gekant,
Die nicht um Verzeihung gebeten,
Weil ich sie Esel genant,
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir,
Als ich noch hoch in Gunst war
Ein schmucker Kavalier:
Wie seyd ihr anders worden,
Wie geht ihr stolz einher
Im Glanze eurer Orden,
Als kennt ihr mich nicht mehr!

3.

Die Zeit hat sich verändert, —
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seyd jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,
So schont ihr meine Nerven,
Und spart mir die ekle Mühe dabei.
Euch aus der Thüre zu werfen.

4.

Ich neide euch nicht eure Orden,
Noch euren geschmeidigen Rücken—

Beneide nicht was ihr geworden
 Durch Kriechen und durch Bücken.
 Geniesst das Glück in Demuthlust,
 So ist der Dinge Lauf:
 Der eine trägt es in der Brust
 Der andre trägt's darauf.

5.

Und mag man mich verklagen,
 Und mag man mit mir rechten:
 Ich wasche mich nicht rein—
 Doch dies kann ich euch sagen:
 Nie hielt' ich's mit dem Schlechten,
 Nie macht, ich mich gemein.

6.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
 Ihr habt mir Alles genommen:
 Nur nicht meinen Stolz und Muth!
 Geschlechter kommen und gehen,
 Geschlechter gehen und kommen,
 Und dieser Wechsel ist gut:
 Denn ihr auch werdet vergehen,
 Und Andere werden kommen,
 Ein neues, gereinigtes Blut—
 Die werden mich verstehen
 Wenn sie mein Wort vernommen,
 Und dieses Verständniss ist gut.

7.

Mein Auge war klar wie deines,
 Das mir so selig locht;
 Mein Herz war warm wie eines,
 Mann hat es kalt gemacht.
 Nichts Gutes ist mir geblieben,
 Ich musste von Allem lassen
 Der Himmel lehrte mich lieben,
 Die Menschen lehrten mich hassen.

8.

Wie hab' ich geglüht für das Schöne
 In seliger Sängerkunst,
 Wie klangen die Liedestöne
 Gewaltig aus meiner Brust!
 Ich kämpfte in stolzem Muth
 Mit gutem Fug und Recht
 Fuer Alles Wahre und Gute,
 Das schien euch schlimm und schlecht:
 Ihr habt meine Leyer zerschlagen,
 Mich meiner Freiheit beraubt,

Durch lange Kerkerplagen
 Gebleicht mein junges Haupt.
 Da ward durch lange Betrachtung,
 Der keine Macht gewehrt,
 In grenzenlose Verachtung
 Mein Hass zu euch gekehrt.
 Ihr habt euch in allen Grössen
 Als gute Schergen gezeigt,
 Mir Achtung einzufliessen --
 Das habt ihr nicht erreicht!

9.

Ein einziges Wort der Gnade,
 Ein einziges Wort der Reue,
 Eröffnete mir die Pfade
 Der alten Gunst aufs Neue;
 Doch lieber zusammenbreche
 Ich hier in Kerker und Ketten
 Eh! ich ein Wort nur spräche
 Durch Lage mich zu retten.

10.

Wohl ohne mein Verschulden
 Geduldet hab' ich genug,
 Und frei seyn mücht ich nun;
 Doch lieber will ich dulden
 Noch mehr, als durch Verschulden
 In eurem Lug und Trug
 Euch, Herrn, es gleichzuthun!

11.

Klagt nicht ob meinem Verhängniss,
 Nicht, dass die Frommen und Reinen
 Mich von sich ausgestossen!
 Ihr auch wohnt im Gefängniss:
 Ich wohne in einem kleinen,
 Ihr wohnt in einem grossen!

12.

Klagt nicht ob meinem Leiden
 In diesen Werkermauern,
 Ich lasse euch eure Freuden
 Und schenke euch euer Bedauern!

Hinaus.

Wild heulen die Donner,
 Laut prasselt der Regen;
 Bang fliehen die Menschen
 Von Aeckern und Wegen,

Sie suchen nach Obdach
 Im schützenden Haus:
 Ich möchte hinaus
 Aus dem schützenden Haus!
 Ich möchte hinaus,
 Und lieber verkommen
 In Stürmen und Blitzen,
 Im Wetter und Graus,
 Als länger hier sitzen
 Im schützenden Haus,—
 Ich möchte hinaus!

Сообщ. Г. С. Чириковъ.

Харьковъ.

IV.

Посланіе Лермонтова.

Н. Θ. Кудрявцевъ сообщилъ намъ, случайно доставшійся ему въ Тамбовской губерніи, въ Темниковскомъ уѣздѣ, подлинникъ письма поэта Лермонтова.

Помѣщая это интересное сообщеніе, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что оно вошло уже въ изд. соч. Лермонтова (Спб., 1863 г., т. II, стр. 467—468), но въ другомъ видѣ, а именно, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ письма къ ***“; при этомъ, однако, въ изд. 1863 г. напечатано едва-ли не нѣчто, составленное изъ двухъ-трехъ писемъ Лермонтова, при чемъ то письмо, подлинникъ котораго находится предъ нами, помѣщено, какъ часть, въ это, быть можетъ, составленное г. Дудышкинымъ произведеніе; редакторъ изданія, тотъ же г. Дудышкинъ, почему-то заблагоразсудилъ выбросить изъ стиховъ Лермонтова нѣкоторыя строки, спряталъ имена подъ буквы; выкинулъ слова и цѣлыя выраженія изъ письма. Какъ ни маловажны могутъ показаться иному подобныя выкиды, но мы полагаемъ, что со словомъ такихъ писателей, каковъ М. Ю. Лермонтовъ, при изданіи его сочиненій, нельзя такъ обходиться; а потому считаемъ не лишнимъ воспроизвести присланное Н. Θ. Кудрявцевымъ письмо знаменитаго поэта въ подлинномъ видѣ.

Ред.

«Примите дивное посланье
 Изъ края дальнаго сего;
 Оно не Павлово писанье,
 Но Павелъ вамъ отдастъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
 Съ своимъ туманомъ и водою!..
 Куда не взглянешь—красной вбродъ,
 Какъ инопъ, торчатъ передъ тобой.

Нѣтъ милыхъ снѣговъ — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нѣтъ ни пошлыхъ новостей!

Доволенъ каждый самъ собою,
Не беспокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!...

И, наконецъ, я видѣлъ море,
Но кто поэта обмануль?...
Я, въ роковомъ его просторѣ,
Великихъ думъ не почерпнулъ.

Нѣтъ! какъ оно, я не былъ волея;
Болезнью жизни — скудой болезнью,
(На зло былымъ и новымъ днямъ)
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебрянной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

„Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего поэзія души моей погасла.

«По произволу дивной власти,
Я выкинуть изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной разшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ —
Не слышать ласки нивалидъ;
Свое безсилье онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ:
Никто ему не ввѣритъ богъ
Себя нль ноши дорогѣй;
Онъ не годится и на волъ!
Погибъ — и да въ ему покой!

„Мнѣ кажется, что это не дурно вышло; пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, писалъ бы вовсе другое: каждый мигъ у меня новыми фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта — стыдно; однако, я прощаю — и прощаюсь. М. Легка..

„Тетиньѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается и слышится, и говорится.

„У Демидовой былъ—дома не засталъ; она была у какой-то директорши — Богъ знаетъ; я письма не отдалъ и на дняхъ побѣду опять. Не имѣю слишкомъ большаго влеченія къ обществу: надобно! Все люди, такая тоска: хотъ бы черти, для смѣха, попадались.“

Сообщ. Н. Ф. Кудрявцевъ.